

## ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАРУШЕННУЮ ГАРМОНИЮ В ВОЕННЫХ ПИСЬМАХ НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ 1914–1918 ГОДОВ<sup>1</sup>

**Тренделькамп Тим,**  
*магистр философских наук,  
аспирант философского факультета  
Санкт-Петербургского государственного университета,  
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5  
ORCID: 0000-0003-2188-0214.  
trendelkamp@yandex.ru*

### Аннотация

В этой статье с философской точки зрения анализируется коллекция военных писем, написанных немецкими студентами-добровольцами во время Первой мировой войны. Коллекция была собрана Филиппом Виткопом в годы Первой мировой войны и в послевоенные годы. Анализируются две философские тенденции – материализм и идеализм, которые проявляются в письмах. Эти две философские тенденции рассматриваются как феномены упорядоченного жизненного мира в мирное время. Основным материалом данного исследования являются оригинальные тексты сборника писем, составленного Филиппом Виткопом. Кроме того, для расширения объема исследования были использованы тексты Клаузевица, Шелера, Хайдеггера и Эрнста Юнгера. Для оценки подлинности и политического смысла сборника писем были проанализированы мнения и результаты исследований нескольких современных ученых. Основным методом настоящего исследования является проведение концептуального анализа для разработки философской схемы, чтобы попытаться создать смысловой контекст прочитанного. Наконец, делается попытка снятия противоречий, которые были обнаружены в результате анализа текста, в ходе диалектического синтеза. Отмечено, что феномен войны можно определить как разрушение гармонии привычного, мирного порядка жизни в государстве. Содержание писем в основном можно разделить на две подгруппы: «Идеализм» и «Материализм». Идеалисты – это студенты, которые с энтузиазмом относятся к участию в войне. Они имеют интеллектуальную склонность к коллективизму. Вторая подгруппа – материа-

<sup>1</sup> Выражаю благодарность своему научному руководителю, д-ру филос. наук, профессору Владимиру Михайловичу Камневу за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

листы – не одобряют участие в войне. Менталитет этих студентов можно назвать индивидуалистическим. Наконец, можно выделить авторов некоторых писем, которые пытаются создать диалектический синтез этих двух тенденций. Этот диалектический синтез – преодоление страха смерти. Но эти авторы не отказываются и от ценности индивидуального сознания и индивидуальной личности. Открытие диалектических синтезов позволяет доказать, что может быть более сложное отношение к историческому феномену войны как разрушительно упорядоченной гармонии. Можно не только бояться смерти и скучать по мирным временам или радикально приветствовать новые времена войны. Предложен аргумент в пользу возможности создания философской схемы для осмысления сложных свойств человеческого опыта. Была предпринята попытка проанализировать сложность человеческого состояния, которое часто не укладывается в простые биполярные концептуализации.

**Ключевые слова:** Первая мировая война, немецкие студенты, гармония, диалектика, идеализм, материализм, Виткоп, письма немецких студентов, военные письма, Макс Шелер.

**Библиографическое описание для цитирования:**

*Тренделькамп Т.* Диалектический взгляд на нарушенную гармонию в военных письмах немецких студентов 1914–1918 годов // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2, ч. 1. – С. 193–208. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-193-208.

В этой статье с философской точки зрения анализируется коллекция военных писем, написанных немецкими студентами-добровольцами, погибшими во время Первой мировой войны. Эта коллекция, выполненная под руководством доктора Филиппа Виткопа из Фрайбурга, представляет собой выборку из более чем 20 000 писем, предоставленных родственниками этих студентов. Сборник был опубликован в нескольких изданиях. Каждое издание содержит разные письма. Доктор Виткоп отобрал письма таким образом, чтобы наилучшим образом удовлетворить как философско-экзистенциалистские, так и военно-исторические интересы читателей. Коллекции использовались в качестве учебного материала в школах в конце военных лет, в Веймарской республике и в Третьем рейхе. Однако идеологическая однобокость, которую иногда ожидаешь от учебника, здесь отсутствует. Во всех трех доступных мне изданиях [8–10] письма представляют собой калейдоскоп мнений, личностей и мировоззрений.

Современные исследования подтверждают подлинность этих писем. Манфред Хеттлинг, например, не сомневается в подлинности писем, но критикует намеренное расположение писем для достижения «патриотического эффекта» [3]. Кэрл Лейбигер также подтверждает подлинность писем [4]. Однако, по ее оценке, письма отражают исключительно «па-

триотические» или даже «шовинистические» взгляды. Я согласен с оценкой обоих исследователей, что письма являются подлинными, хотя и не смог проверить это независимо. Думаю, именно разнообразие взглядов студентов является тому подтверждением. Но отнюдь не каждое письмо отражает патриотический дух. Есть также много сомневающихся, которые просто хотят вернуться к своим близким. Поэтому я думаю, что коллекция получилась очень органичной. Это честное отражение разнообразных характеров и взглядов. Мое исследование призвано способствовать тому, чтобы показать это.

Карл фон Клаузевиц [1] определяет войну в двух знаменитых высказываниях. Первое определение гласит: «Война – это не что иное, как продолжительная дуэль. Если мы хотим представить себе бесчисленное множество отдельных поединков, из которых она состоит, как единство, нам лучше представить себе двух борцов. Каждый стремится заставить другого выполнить свою волю с помощью физической силы; его следующая цель – повалить противника и тем самым сделать его неспособным к дальнейшему сопротивлению. Таким образом, война – это акт насилия, направленный на то, чтобы заставить противника выполнить нашу волю. Насилие вооружается изобретениями искусства и науки, чтобы противостоять насилию» [1, S. 14].

Второе определение гласит: «Таким образом, мы видим, что война – это не просто политический акт, но истинный политический инструмент, продолжение политического взаимодействия, осуществление его другими средствами. То, что остается свойственным войне, теперь относится только к особой природе ее средств. Направления и намерения политики не должны вступать в конфликт с этими средствами – вот чего может требовать военное искусство в целом и генерал в каждом отдельном случае, и это требование действительно немалое; но как бы сильно оно ни влияло в отдельных случаях на политические намерения, это всегда должно рассматриваться только как их модификация, ибо политическое намерение – это цель, война – средство, а средство никогда не может мыслиться без цели» [1, S. 27].

Макс Шелер также дает очень интересный взгляд на феномен войны. Он проводит различие между насилием животных и властью человека. Насилие, которое применяют животные, – это стремление к размножению и выживанию с помощью физического принуждения. Человек преодолел этот этап. Он не сражается на войне за свое индивидуальное выживание или индивидуальное право на потомство. Человек – духовное существо. А его духовный дом – это человеческий коллектив, членом которого он является. Это может быть простое племенное объединение или современное государство. Даже в частной жизни в этом коллективе человек больше не

стремится примитивно к выживанию и размножению. Его волнуют «престиж, честь, размер имущества» [7, S. 11].

И война – это не индивидуальный акт человека. Скорее, человек интегрирован в «силу единой воли» государства. И отдельный человек представляет собой в этой войне лишь инструмент волевого действия государства. Это государство – организм, но не в биологическом смысле. Государство в состоянии войны – это не волчья стая в погоне за мясом. «Охота – это не война» [7, S. 11]. Шелер считает, что организм государства – это нечто духовное. Его средство – не насилие, которое полностью уничтожает противника. Его инструмент – власть. А сила хочет только одолеть врага. Целью этого акта подавления является увеличение власти.

О какой власти идет речь? «Это противостояние власти теперь выражается в актах физического насилия. Это насилие используется для определения того, какая воля к власти более достойна. Но конечная, объективная цель, которой служит и во все времена служила война, есть не что иное, как максимальное господство духа на земле. И прежде всего формирование и расширение любой из многочисленных форм подлинных единиц любви. Эти единицы любви – народы, нации и так далее. Эти народы противоположны просто фактическим или юридическим сообществам интересов» [7, S. 9].

Таким образом, война – это историческое стремление народов к власти. Сила здесь, однако, не является животным стремлением к доминированию. Народ – это коллектив, рожденный в любви. А народ – это противоположность обществу, которое основано на договоре. Стоит также сослаться на Тённиса, который сравнивает эти два состояния человеческого сосуществования в своей классической работе «Община и общество». Шелер критикует пацифистский взгляд, согласно которому война является временным явлением истории и что война исчезнет, когда человеческое общество будет достаточно развито экономически, социально и политически. Стремление любви к власти невозможно остановить, ибо оно проистекает из внутренних «источников жизни» [7, S. 17].

Шелер также критикует «утилитарный» взгляд, который объясняет войну примитивным стремлением человека к пространству, пище и материальным преимуществам. Социально-теоретические или психологические подходы, сводящие всё к примитивным влечениям человека, также очень распространены сегодня в отношении этого вопроса (например, теоретические подходы Маркса, Фрейда и их преемников).

Макс Шелер утверждает, что война и воля к власти проистекают из глубинной природы человека. И эти глубины не должны определяться

примитивистским объяснением. Творить – это первобытное желание. Готовность осмелиться возникает из любви. Дерзость, в которой мелькнула сила, – это не сублимированное сексуальное влечение. Ведь человек благодаря своим духовным способностям стоит на более высоком уровне сознания, чем животное. Человек – это духовное существо. Таким образом, Шелер объясняет войну как феномен духа.

В этом отношении он очень близок к концепции Гегеля. Гегелевский взгляд на ход истории заключается в том, что весь процесс истории есть саморазвитие мирового духа. Войны – это респанующие моменты в развитии мировой истории, они также не могут быть объяснены из примитивных влечений или потребностей человека.

Объединив подходы Клаузевица и Шелера, я сейчас представляю свой собственный взгляд на феномен войны. Я принимаю войну как элемент реальной политики Клаузевица, а также как феноменологический элемент Шелера. Война как акт политики, но понятая не как феномен технократии и утилитаризма. Другими словами, война, которая не рассматривается отдельно от «источников жизни» [7, S. 17]. Война – это столкновение сил для обеспечения политической воли. В современном понимании война – это столкновение двух государств. Каждое государство устанавливает обоснованный порядок через свои законы, которые упорядочивают жизнь. В идеале соблюдение законов и осуществление контролируемого насилия со стороны органов безопасности обеспечивает идеально гармонично упорядоченную жизнь государственного организма. Армия защищает это стремление к идеальному гармоничному порядку перед внешним миром. Армия создается с учетом того, что существуют другие организмы, которые стремятся именно к такому порядку.

Конечно же, никогда не будет идеальной гармонии, однако в каждом государстве можно найти определенную гармонию, упорядоченную повседневную жизнь. Разумеется, эта гармония имеет разную степень качества для разных социальных групп государства. Я думаю, что группа немецких студентов Кайзеррейха, которую я рассматриваю в этой статье, жила в превосходном состоянии упорядоченной государственной гармонии. Это также означает личную безопасность, доступ к образованию, достойное материальное обеспечение, порядок в социальных отношениях, общую стабильность государства, моральное качество социальной среды и многое другое. Поэтому рассмотрение этой группы в «столкновении двух систем гармонии» является довольно интересным предметом для исследования.

Понятно, что человек привыкает к тому состоянию гармонии, в котором он живет. Предположительно, эмоциональная реакция на разрушение этой гармонии в войне будет более бурной, если гармония была каче-

ственной и продолжительной. Я думаю, что угроза гармонии государства, даже если оно было относительно низкого качества, является сильным экзистенциальным бременем для человека. Война – это время, когда всё поставлено на карту, время неопределенности. Армии на поле боя сражаются смертоносным оружием. Льется кровь, людей обезображивают, разрывают на части, сжигают. «Конрад, возьми меня с собой!» – кричит тот, чьи ноги раздроблены осколками и кому нельзя помочь, потому что атака продолжается [8, S. 77]. Эти первичные явления и образы, звуки и запахи оказывают очень глубокое воздействие.

Когда армии терпят поражение, падает и порядок. Это чувствуют и все те, кто не находится на передовой. Ведь государство – это мощный организм, который глубоко формирует душу и характер каждого из своих членов. Когда государство находится в состоянии войны, каждый из его членов чувствует экзистенциальную опасность, открытую неопределенность. Всем известна ценность победы, но также и тяжелая участь побежденных.

В гораздо большей степени, чем для гражданского человека, который переживает войну вдали от фронта, драматическая и экзистенциальная ситуация войны ощущается и переживается солдатом. Если гражданский чувствует под ногами дрожь континентальной плиты, то солдат стоит прямо у бездны, в которой сталкиваются миры. Насильственное стирание двух гармоничных порядков порождает непостижимый ужас, который видит солдат. Поэтому точка разрыва между гармониями является местом нашего философского вопрошания. Я хочу развить эту философскую постановку вопроса, используя классическое диалектическое сопоставление концепций идеализма и материализма. Значение этих терминов описано ниже.

Конечно, оппозиция между материализмом и идеализмом имеет историческое измерение. Можно, конечно, избегать исторически заряженных слов, говорить соответственно об «индивидуалистах и прагматиках» и «людях, которые заинтересованы в общем благе, а не в индивидуальном благосостоянии». Но мне кажется интересным показать российской аудитории, что противопоставление материализма и идеализма можно понимать совершенно иначе, чем это было в советской традиции.

Очень интересно заметить, что у немецких студентов было то же чувство «идеализма» и коллективизма, что и у советских героев войны. Но они просто описывали то, что я хотел бы назвать «благородным духом», как идеализм, а не как материализм. Различные культуры и различные интеллектуальные традиции могут разделять общее благо благородного духа. Это первая причина, по которой я предпочитаю использовать в своем тексте четкую оппозицию между материализмом и идеализмом.

Кроме того, сами студенты, по крайней мере, частично понимают себя именно как «идеалистов», которым свойственны бескорыстие и альтруизм. Противостояние этого идеализма материализму прямо указано в письме Вальтера Хариха [8, S. 1], который описывает себя как «трансцендентально-идеалиста», которому не нравится духовная «связь с материальной материей», результатом которой является индивидуализм и стремление к личному комфорту. Поэтому я считаю обоснованным противопоставление материализма и идеализма в моем тексте.

Многие немецкие студенты, добровольно отправившиеся на фронт, делали это в порыве патриотического энтузиазма. Они ощущали себя носителями немецкого идеализма, характеризующегося «чистотой, бескорыстием, героизмом, рвением к долгу и энтузиазмом» [8, S. 18, 19]. Несомненно, важную роль сыграло желание помочь «немецкому духу» достичь заслуженного политического веса в мире. Один из них писал под Ивангородом в октябре 1914 года: «Сам знаешь, что сражаешься за немецкую мысль в мире. Это защита германской чувствительности против азиатского варварства и романского безразличия» [8, S. 72]. В целом «приказ» как феномен преодоления личности и ее необходимой ориентации на высшие структуры описывается как то, что «[...] дает нашему народу превосходство над всем миром» [8, S. 72]. Борьба на фронте – это борьба за «искусство, философию и культуру» [8, S. 25]. 31 декабря, перед Ипром во Франции, сообщается: «В Мюнхене в нашем полку были сформированы две роты, состоящие только из студентов. Это были 11-я рота и 9-я рота. Среди нас было семь докторов технических наук, четыре доктора филологии и три доктора медицины. Они отказались от офицерского звания и остались в рядах простых солдат. [...] Началась бешеная стрельба из пулеметов. Почти вся группа была мертва. Некоторые из них вернулись с окровавленными головами. Несколько минут стояла тишина. Все были бледны как смерть. Но среди нас был один герой, который сохранил присутствие духа. Он выхватил свою саблю с криком “Ваша академическая честь!”. И все бросились за ним. Однако этому храбрецу пришлось немедленно поплатиться за свой поступок жизнью» [8, S. 18].

Таким образом, идеалистический момент в мировоззрении солдат, несомненно, понимается патриотически. Один студент даже критикует идею «гражданина мира» как «бесцветную, абстрактную концепцию» [8, S. 2]. Война понимается как война народа, а студент – как духовная элита этого народа в смысле всемирно-исторической, духовной задачи немецкого студенчества того времени [8, S. 18, 19]. Здесь, однако, также присутствует некая чистая воля к действию, которая проистекает из ощущения того, что студенты много лет учились только как студенты и ничего не достигли.

Этот идеализм солдат является, в контексте нашего исследования, аналогом нормальной жизни в повседневной государственной гармонии. Это философское движение против индивидуализма, ориентированного на собственные интересы. Тенденцию к корыстному мышлению можно назвать типичной для повседневной государственной гармонии.

Согласно заявлениям, содержащимся в нескольких письмах, состояние повседневной гармонии вызывает состояние перенапряжения нервов, своего рода «ожидания искупления». Лирическая, внутренняя озабоченность собственными чувствами и предпочтениями насильем всемирно-исторического события направляется на путь эпического коллективного движения. «В этот час я начал эпически ощущать свою новую жизнь, то есть вписывать себя в нее одобрительно и спокойно. Я больше не хочу, как лирический человек, позволять восторгу или сопротивлению влиять на мою внутреннюю жизнь» [8, S. 48]. Другой пишет: «Никто больше не знал, что такое любовь и тоска. Ибо все они сами были любовью и тоской» [8, S. 60]. Автор пишет это при виде колонн беженцев из Восточной Пруссии. Сильные мужчины идут на восток, а женщины на телегах защитно наклоняются над детьми. Беспокойные размышления, например, о формах и нюансах природы романтизма полностью прекратились. Фундаментальные и архаичные модели поведения снова становятся видимыми и самоочевидными. Женщина – это защитная любовь, мужчина – тоска по дому и женщине. Мужчина – это любовь к жертвенной смерти, а женщина – тоска по защитнику.

В целом, студенты отмечают сильную тенденцию к ментальной интернализации. «Но прежде всего человек становится интернализированным. Ибо выдержать это существование, эти ужасы, эти убийства можно только тогда, когда дух укореняется в высших сферах. Человек вынужден заниматься самосозерцанием. Человек должен примириться со смертью. Человек тянется – в противовес ужасной реальности – к самому благородному и высокому» [8, S. 51]. Другой студент сообщает о своем опыте следующим образом: «Прежде всего, я убежден, что я трансцендентальный идеалист, и, как таковой, я уже рад, что война поднимает людей над их материальным рабством. Сверхреальные идеи и силы получают такое сильное существование и обоснованность, что миллионы жертвуют своими жизнями» [8, S. 1].

Это, конечно, типично платоновская тенденция. Ориентация на высший идеал помогает преодолеть негативное настоящее. Как и в платоновском государстве, идеализм, присутствующий здесь, также направлен против личности. Если в платоновском государстве стражи задуманы как коллективная единица, посвящающая всю свою жизнь благу государства, то в письмах студентов мы также видим полную погруженность, напри-



мер, в коллективную атаку или марширование в «эпической силе» [8, S. 49]. Один студент пишет: «А потом начали попадать пули. И солдаты падали, как свинцовые игрушки, так это выглядело издали. Когда солдаты пришли в наш окоп, мы пошли с ними. Нас захлестнул штормовой поток. Шторм – это долгожданный конец битвы. [...] Каждый чувствует нечто единое, непреодолимое, выходящее за пределы его самого. Только мысль “Вперед” является эффективной. На винтовочные выстрелы уже никто не обращает внимания, штык насажен. [...] Все силы присутствовали во мне без того, чтобы я приводил их в движение. Никакого страха, никаких запретов. Позиции противника всё ближе и ближе. Энтузиазм и атакующая ярость в толпе становились всё более бурными. Все побежали вперед так быстро, как только могли, крича на ходу» [8, S. 75]. Другие студенты сообщали о полной потере «стремления к индивидуальности» в ходе военных действий [8, S. 67].

По словам студента Карла Альдага, «религиозное и идеалистическое настроение» военных дней даже положило конец «легкомысленным шуткам пролетариев» и породило в них духовную чувствительность и «благоговение перед тишиной». Ощущение природы также усиливается до новой интенсивности. «То, без чего приходится обходиться, компенсируется многими вещами, о которых я раньше и мечтать не мог. Я никогда не чувствовал такой преданности звездному небу и единства со всей природой. Утро, вечер, полдень, ночь здесь что-то значат. [...] Только что взошло зимнее красное солнце, люди шли через поле за хлебом. Это было очень по-домашнему. Пейзаж с белой пеленой, группы полей и деревьев. И прекрасная деревня, и свежий холодный воздух» [8, S. 25].

В целом, природа воспринимается по-разному. Во время атаки и боя время приостанавливается или значительно замедляется [8, S. 72] У солдата даже возникает ощущение, что он больше не на земле, а в другом измерении – «пространстве под землей» [8, S. 77]. Солнце из небесного тела превращается в символ быстротечности и возможного приближения смерти, ведь только выживший сможет увидеть следующий день. Кроме того, «разум» повседневной государственной гармонии частично приостанавливается. Студент отмечает это в общении со своей семьей. Семья критикует его готовность умереть в бою. Он, однако, говорит, что не боится смерти; семья его не понимает [9, S. 41].

Связь с прошлым, с семьей и с жизнью в гармонии должна быть разорвана. Это необходимо для предотвращения безумия. Только духовная, вечная связь с любимыми людьми остается легитимной. Живая память, однако, должна исчезнуть. «Отношения с прошлым и будущим, с близкими должны быть такими, чтобы их видимая сторона могла быть отделена в любой момент без боли. Она может существовать только “sub specie

aeternitatis”. Я никогда не думал, что арсна индийцев, то есть жизненный инстинкт, может быть настолько неудержимо сильным» [8, S. 70].

14 октября 1914 года под Ивангородом студент Вальтер Харих сообщил о феномене полной перегрузки всех сил. Не так давно он, любитель животных, до смерти загнал лошадь. «Единственный приоритет – двигаться вперед» [8, S. 70]. Наконец, очень интересно письмо из польского города, недавно покинутого его жителями. В нем сообщается об особом опыте вторжения в самые интимные пространства жителей заброшенного города. Студент, как часть коллективного движения армии, входит в комнаты, где недавно переодевали детей. Или в офисы, где работа была поспешно прервана [8, S. 93–95]. Этот символизм, проникновение коллективного массового движения в интимные пространства частной жизни, конечно, очень интересен с точки зрения истории идей.

Конечно, в письмах студентов есть и «материалистический» момент. Я называю здесь эту позицию материализмом, поскольку противников войны студенты-критики иногда называют материалистами. То есть материалистическая позиция здесь – это позиция гармоничной, упорядоченной повседневной жизни, с профессиональными обязанностями, в государственном повседневном порядке, с увлеченностью индивидуальными чувствами и предпочтениями. Смерть воспринимается как нечто далекое и чуждое.

Студент находит рояль в развалинах загородного дома и играет на нем «Валькирию» Вагнера [8, S. 13–15]. Это напоминает ему об упорядоченной гармонии прежних дней и поднимает его чувства. Еврейская девочка в Польше спрашивает студента, с которым она подружилась, не плачет ли его мать, беспокоясь за него. Студент говорит, что немецкие матери не плачут, а гордятся своими сыновьями. Однако он отмечает в письме, что женщина, конечно же, абсолютно права, и все люди по сути своей являются только отцами, сыновьями, матерями и так далее. Всё остальное, по его словам, просто актерская игра [8, S. 93–95]. Мужчина, умирающий в военном госпитале, пишет письмо своей семье в ночь перед смертью, призывая их радоваться жизни. Он боится смерти и любит жизнь. Сейчас лозунг армии: «Вперед, мы станем мировой державой!» По мнению студента, это великая цель для государства, но трагедия для отдельных жертв [8, S. 103, 104].

Некоторые студенты делают переход от материалистической концепции к идеалистической. Один студент описывает счастье юности летом перед войной, но теперь, зимой, в окружении смерти, он посвящает свою жизнь борьбе за кайзера и рейх. Другой пишет после встречи с семьей: «Вместе с вами я почувствовал нечто, что давно уже не чувствовал, что мне даже приходилось подавлять силой. Все такие славные,

смеющиеся, творчески живые. Я жил и чувствовал эту жизнь так сильно вместе с вами. И теперь я отказался от этого, для того чтобы иметь возможность жить единственной и универсальной жизнью нашей армии, всепожирающей индивидуальной жизнью. Но это всегда означает для нас только одно – готовность умереть. Сама собой угасла прежняя прекрасная жизнь с настоящими живыми людьми. Полностью убить память и тоску по этой жизни несложно. Я не могу сказать, что положительного в жизни солдата, но я считаю ее необходимой и объективно более ценной. И поэтому, несмотря на все страдания, я бы снова выбрал жизнь солдата» [8, S. 71].

В окопах под Реймсом во Франции студент Ганс Фехт пытается осуществить интересный синтез идеализма и материализма в теории искусства. Сфера материализма, т. е. сфера гармонично упорядоченной жизни, – это царство художника. Он создает произведение искусства через прекрасное отражение внешнего мира в чуткой индивидуальной внутренней жизни художника. Это искусство невозможно на войне. Для отражения внешнего мира во внутреннем характере художника требуется спокойная, упорядоченная жизнь. Жестокий град снарядов делает невозможным отражение мира в индивидуальной внутренней жизни. Война и искусство радикально разделены.

Война, однако, теперь понимается им не как индивидуальный опыт, а как мировое событие. Война выводит солдата из сферы индивидуального опыта в сферу мировой истории. Добавляется трагическая героическая смерть. За этим наблюдает солдат. Трагическая смерть героя отбрасывает наблюдателя в небытие. Но этот наблюдатель больше не является простым человеком. Он – наблюдатель истории. Наблюдатель видит пустоту. Ведь герой – это самое высокое, самое прекрасное, самое благородное. Его смерть оставляет мир наполненным банальностями. Это пустота. Но эта пустота – начало всего. Пустота означает тотальность всего сущего. Хаос пустоты – это врата к единению с тотальностью всего сущего. Другой студент пишет: «Прежде всего я продолжаю видеть открытые и полуоткрытые глаза мертвых. Глаза по-прежнему светятся жизнью. И всё же они уже заморожены. Также можно увидеть незабываемую красоту. Я говорю: молодые солдаты, добровольцы войны, словно спящие в позе Ариадны на Наксисе, которые ожидали быстро наступающей смерти совершенно спокойно и доброжелательно, словно смерть сделает их сильными для многих подвигов жизни» [8, S. 63].

Ганс Фехт пишет, что в безграничном хаосе героической смерти якорь нашего сознания цепляется за твердую почву религии. Таким образом, происходит объединение всего сущего. Синтез неба и земли, идеала и материи завершен. «Таким образом, мистический опыт жертвен-

ной смерти войны становится священно чистым источником, в котором одинаково славно отражаются вещи обоих миров: Горы земли и облака и птицы неба» [8, S. 55]. Ханс Фехт описывает этот синтез, эту религию, это высшее человечество как высшее произведение искусства. В этом синтезе земля, повседневная жизнь, не погашена. Она заключена в более высоком общем произведении искусства. В сверкающих глазах павших сияет воля к созидательному действию в государстве. И поступок после преодоления индивидуализма во всемирно-исторической перспективе после войны вновь совершается с индивидуальной точки зрения. Но такой, которая является также всемирно-исторической перспективой. Таким образом, это индивидуализм, который является частью целого. Так сказать, диалектический вращающийся круг, объединяющий противоречивое в целое.

Наконец, следует упомянуть два простых момента противоречивости. Противоречие – неоспоримая характеристика нашего мира даже вне диалектического взгляда на движение истории. И особенно в такой ситуации, как война, которая всё усиливает, обостряет, радикализирует, такая противоречивость естественно обнаруживается. Это рассказ о том, как студент-медик помогает бельгийской женщине с трудными родами, в то время как за дверью немецкая артиллерия обстреливает бельгийские окопы, убивая сотни молодых бельгийских мужчин [8, S. 25]. Или рассказ о раненом французе, которого немецкие солдаты спасают и выхаживают, говоря ему, что сожалеют о его страданиях. На что француз отвечает: «Пожалуйста, поймите меня, я сделал всё это ради отечества» [8, S. 35].

Ход нашего исследования достиг того момента, когда мы можем попытаться определить его результаты. Исследование началось с обзора философской проблемы войны. Я понимаю войну как политическое явление, в котором два государства вступают в экзистенциальную борьбу друг с другом как сферы, стремящиеся к полной гармонии. Это моя собственная позиция, которая, насколько мне известно, является оригинальной. Развивая эту позицию, я опирался на политический прагматизм Клаузевица и на феноменологический подход Шелера. Да, война – это продолжение политики с использованием принудительных средств насилия. Это Клаузевиц. Но эта политика не является чисто технократическим или утилитарным процессом, который был бы оторван от истоков человеческой природы. Шелер подчеркивает, что радость подвига и смелость важнее на войне, чем чисто утилитарное намерение победить. Конечно, в войне есть свои интересы и цели, но они не имеют примитивной, животной природы. Стремление к духовной, человеческой «власти» противопоставляется простому животному насилию.

Однако война на истребление с целью убийства всех членов коллектива не является «благородной войной», а теряет себя в простом животном насилии. На войне отдельный человек является частью органического коллектива. Он становится инструментом воли государственного действия. Вышеприведенное рассмотрение писем студентов, воевавших на фронте, было посвящено именно таким людям. Речь идет об индивидах, которые, будучи инструментами воли государственного организма, переживают кризис внутренней гармонии этого организма в радикальной ситуации войны. Эти молодые люди, чьи письма были прочитаны и оценены в ходе исследования, совершенно по-разному переживали свое положение «орудия» государственной воли.

С одной стороны, идеалистический опыт подтверждает приобщение к коллективной воле. Но «материалистическая» перспектива переживает эту «коллективизацию» негативно. Третья перспектива пытается гармонизировать противоречивый внутренний мир опыта в диалектическом движении. Эта попытка гармонизации, которую мы наблюдали в письме студента Ганса Фехта, пытается превратить страшную смерть в бою в произведение искусства. Я ставлю все три этих движения ума, которые описывают различные индивидуальные переживания, в равные права перед читателем данного исследования. Определение философского феномена «война», которое я разработал в начале исследования на основе концепций Шелера и Клаузевица, естественно, несет в себе определенную долю личного суждения. В этом исследовании я рассматриваю войну как состояние, в котором индивидуальное проявляется в коллективном. Да, это оценка. Можно также сказать, что это гипотеза, на которой основано исследование. Письма показывают опыт разных людей в коллективном процессе войны. Остается отметить, что войну, конечно, нельзя рассматривать исключительно с точки зрения интереса к идеализму или материализму.

#### Литература

1. *Clausewitz C.* Vom Kriege. – Stuttgart: Cormoran im Suedwest Vlg, 2000. – 545 S.
2. *Heidegger M.* Zu Ernst Jünger. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2004. – 245 S.
3. *Hettling M.* Arrangierte Authentizität Phillip Witkop: Kriegsbriefe gefallener Studenten (1916) // Von Richthofen bis Remarque: deutschsprachige Prosa zum I. Weltkrieg. – Brill, 2003. – S. 51–69.
4. *Leibiger C.A.* Review of: German Students' War Letters, by Philipp Witkop and A.F. Wedd // Die Unterrichtspraxis / Teaching German. – 2004. – Vol. 37, N 2. – P. 190.
5. *Raymond A.* Clausewitz: Philosopher of war. – London: Routledge, 2022. – 85 p.

6. *Raymond A.* Reason, Passion, and Power in the Thought of Clausewitz // *Social Research*. – 1972. – Vol. 39, N 4. – P. 599–621.
7. *Scheler M.* Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg. – Leipzig: Verlag der Weißen Bücher, 1917. – 459 S.
8. *Witkop P.* Kriegsbriefe deutscher Studenten. – Gotha: Verlag F.A. Perthes, 1916. – 130 S.
9. *Witkop P.* Kriegsbriefe Gefallener Studenten. – Leipzig; Berlin: Verlag B.G. Teubner, 1918. – 164 S.
10. *Witkop P.* Kriegsbriefe Gefallener Studenten. – München: Georg Müller Verlag, 1933. – 179 S.

Статья поступила в редакцию 07.06.2022.

Статья прошла рецензирование 24.08.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-193-208

## DIALECTICAL VIEW ON DISTURBED HARMONY IN THE FIRST WORLD WAR LETTERS OF GERMAN STUDENTS IN 1914–1918

**Trendelkamp, Tim,***Master of Philosophy,**Post Graduate at the Faculty of Philosophy,**Saint Petersburg State University,**5 Mendeleevskaya Linia, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation*

ORCID: 0000-0003-2188-0214

trendelkamp@yandex.ru

### Abstract

In this article the collection of letters written by voluntary students during the First World War is analyzed from a philosophical point of view. The collection was assembled by Philipp Witkop during the years of the First World War and after it. The author of the article analyzes two philosophical tendencies of materialism and idealism, which appear in the letters. These two philosophical tendencies are considered as phenomena of well-ordered life in peaceful times. The main material of this research is the original text of the collection of letters, as compiled by Philipp Witkop. Then, the texts of Clausewitz, Scheler, Heidegger and Ernst Jünger were added to further enrich the scope of the study. To assess the genuinity and political meaning of the compilation of letters, the author consulted with the contemporary researchers and their results. The main method of this study is the method of reading the text, conducting conceptual analysis and then attempting to develop a philosophical scheme in order to create a sensible context of what was read. Finally, the attempt is made to reunify the contradictions which were discovered as a result of the textual analysis. This attempt of reunification of the discovered contradictions is called the dialectical synthesis. Thus, the dialectical method is one of the important methods employed during the course of this study. The phenomenon of war could be successfully defined as a phenomenon of the destruction of the harmony of usual, peaceful order of life in a state. The author comes to the conclusion that the content of the letters can be mainly divided in two subgroups. The first subgroup is the subgroup of Idealism. Roughly speaking, these are the students who are enthusiastic about the participation in the war. They have an intellectual tendency towards collectivism. The second subgroup is the subgroup of materialism. This is the subgroup of those students who do not approve of the war. The mindset of these students can be called individualistic. Finally, some letters which attempt to create a dialectical synthesis of these two tendencies could be identified. This dialectical synthesis overcomes the fear of death. But it does not abandon the value of the individual consciousness and the individual personality. The discovery of the dialectical syntheses gives the prove that there can be a more complex attitude towards the historical phenomenon of war as a destructor of well-ordered harmony. It is possible not only to be afraid of death

and miss the peaceful times, but also to radically welcome the new times of war. The author highlights the complexity of the human being.

But at the same time, the author offers an argument for the possibility to create a senseful philosophical scheme to make sense of the complex properties of the human experience.

**Keywords:** World War 1, German students, harmony, dialectics, idealism, materialism, Witkop, German students letters, war letters, Ernst Jünger.

#### Bibliographic description for citation:

Trendelkamp T. Dialectical View on Disturbed Harmony in the First World War Letters of German Students in 1914–1918. *Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 2, pt. 1, pp. 193–208. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.2.1-193-208.

#### References

1. Clausewitz C. *Vom Kriege*. Stuttgart, Cormoran im Suedwest Vlg, 2000. 545 p.
2. Heidegger M. *Zu Ernst Jünger*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann GmbH, 2004. 245 p.
3. Hettling M. Arrangierte Authentizität Phillip Witkop: Kriegsbriefe gefallener Studenten (1916). *Von Richthofen bis Remarque: deutschsprachige Prosa zum I. Weltkrieg*. Brill, 2003, pp. 51–69.
4. Leibiger C.A. Review of: German Students' War Letters, by Philipp Witkop and A.F. Wedd. *Die Unterrichtspraxis / Teaching German*, 2004, vol. 37, no. 2, p. 190.
5. Raymond A. *Clausewitz: Philosopher of war*. London, Routledge, 2022. 85 p.
6. Raymond A. Reason, Passion, and Power in the Thought of Clausewitz. *Social Research*, 1972, vol. 39, no. 4, pp. 599–621.
7. Scheler M. *Der Genius des Krieges und der Deutsche Krieg*. Leipzig, Verlag der Weißen Bücher, 1917. 459 p.
8. Witkop P. *Kriegsbriefe deutscher Studenten*. Gotha, Verlag F.A. Perthes, 1916. 130 p.
9. Witkop P. *Kriegsbriefe Gefallener Studenten*. Leipzig, Berlin, Verlag B.G. Teubner, 1918. 164 p.
10. Witkop P. *Kriegsbriefe Gefallener Studenten*. München, Georg Müller Verlag, 1933. 179 p.

The article was received on 07.06.2022.

The article was reviewed on 24.08.2022.